

ФЕНОМЕНОЛОГИЯ БЕЗОПАСНОСТИ: ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ

С.Н. СОКОЛОВА¹, А.А. СОКОЛОВА²

*¹Полесский государственный университет,
г. Пинск, Республика Беларусь*

*²Смоленский государственный университет,
г. Смоленск, Россия*

Введение. Процесс концептуализации идеи безопасности в контексте проблем общественного развития особенно интересен сегодня, так как детерминирует экономические, политические и социокультурные стандарты, что влияет и на сферу безопасности. Вариативность разбалансированности социальных отношений обстоятельно изучены в экономике, но недостаточно исследованы в социально–политической и духовной сферах общественной жизни. Не является исключением и сфера безопасности.

Актуальность феноменологии безопасности обусловлена следующими причинами:

Во–первых, неоднозначностью результатов вмешательства современного государства, других акторов в социально–политические процессы и сферу безопасности. Следовательно, для осмысления степени вмешательства современного государства в социальную жизнь, и особенно, в сферу безопасности нужны методы научного анализа.

Во–вторых, если вспомнить исторические факты, то советский опыт управления обществом нуждается в дальнейшем переосмыслении, так как осуществляемое в течение более 70 лет государственное воздействие на общество в ряде важнейших областей человеческой деятельности может быть признано успешным (оборона, мобилизация населения на решение крупных задач – Беломор–канал, Турксиб, БАМ и т.д.). Однако советская система государственного управления базировалась на экономике мобилизационного типа, что требовало постоянного участия большого количества органов власти всех уровней в режиме так называемого «ручного управления». В современном научном и экспертном сообществе продолжается дискуссия о необходимой трансформации системы методов воздействия на сферу безопасности.

В–третьих, объективной необходимостью исследования для современного общества его сферы безопасности, потому что, не будучи изолированной от других сфер общественной жизни, сфера безопасности является достаточно эффективным механизмом урегулирования социальных конфликтов и кризисов, препятствующих поступательному общественному развитию.

В–четвертых, необходимостью пересмотра положения об абсолютизации воздействия государства на сферу безопасности. Сфера безопасности вряд ли должна являться моносубъектной в современном обществе, что не исключает возможности привлечения широкого круга организаций, структур, а в демократическом социуме объективно предполагает разветвленную систему широко–общественно–государственного влияния на социальное пространство.

В–пятых, незавершенностью осмысления диалектики взаимоотношений различных социально–политических субъектов в сфере безопасности. В зарубежном научном дискурсе сфера безопасности зачастую рассматривается как максимально широкая, распространяемая на весь мир и в результате идет постоянный поиск интеграции систем национальной безопасности в региональные, международные системы. Активные действия в сфере безопасности позволяют любому субъекту реализовать позитивное взаимодействие, осуществить диалог в обществе и на международной арене.

В–шестых, наличием объективной зависимости между политической системой демократического типа и характером вовлечения общественных структур и граждан в регулирование сферы безопасности. В этом случае граждане и общество являются партнерами власти в решении самого широкого спектра вопросов: начиная от вопросов социального развития до вопросов личной безопасности и биобезопасности. Другие варианты взаимоотношений между властью и обществом характеризуют социумы авторитарного типа.

В–седьмых, необходимостью развития системы регулирования безопасности как современного социально–политического института. В любом современном государстве созданы и развиваются институты безопасности (Советы безопасности, специальные службы, антитеррористические ко-

митеты, комиссии по биоэтике), обеспечивающие эффективные регулирующие воздействия социально-политических акторов на сферу безопасности.

В-осьмых, недостаточной степенью удовлетворения интересов современного общества безопасностью, например, биобезопасностью. Мировой финансово-экономический кризис продемонстрировал объективную зависимость между социальным самочувствием граждан, качеством государственного регулирования и необходимостью достижения устойчивой безопасности личности, общества и государства.

Основная часть. Современные представления о безопасности очень разнообразны и варьируются от отождествления с родовым понятием до признания разновекторного синтеза продовольственной, экологической, биологической, политической, духовной, демографической, экономической, государственной, общественной, национальной, военной безопасности, противостоящей системе угроз личности и общества от различных опасностей.

Феноменология безопасности представляет собой обобщенное научное знание, нацеленное непосредственно на выявление основополагающих теоретических установок, раскрывающих существенные характеристики конкретного явления и специфики процесса обеспечения безопасности для уточнения проблемного поля и перспектив развития сферы безопасности.

Феноменология «претендует на статус универсально и аподиктически обосновывающей науки, науки о «первоисточниках» знания, выступающей в роли наукоучения по отношению ко всем частным наукам» [1, с. 621].

Напомним, что в сознании граждан безопасность, как правило, отождествляется с представлением об определенном социальном благополучии, со здоровьем и защищенностью от неблагоприятных природных воздействий, от различного рода общественно-политического насилия, финансово-экономических кризисов и военных конфликтов.

Концептуализация идеи безопасности в научной мысли, по мнению некоторых исследователей, берет начало в конце XVII века, а потом она перманентно видоизменялась и трансформировалась.

Как отмечает в своей работе современный исследователь А.Д. Тукало, «раскрытие малообразующего потенциала безопасности заключалось в представлении о состоянии или цели, конституирующих взаимоотношения между индивидами и государствами и обществами» [2, с. 88].

Следовательно, идея безопасности постоянно рассматривалась в контексте социальных взаимоотношений (в социальном пространстве), определявших существо того или иного государства, а в дальнейшем такое понимание нашло соответствующее развитие, как справедливо отмечает исследователь А.Ш. Викторов в двух основных концепциях безопасности «национальной и общественной» [3, с. 144].

На самом деле таких концепций современной наукой рассматривается гораздо больше (государственная, политическая, духовная, не говоря о таких частных случаях, как продовольственная, демографическая, экологическая, политическая, другие виды безопасности).

В современных же условиях, когда возрастает необходимость обеспечения эффективной безопасности (в частности, в организации борьбы с коррупцией, международным терроризмом, наркоманией и алкоголизмом, что должно реализовываться посредством государственных программ и документов), многочисленные заявления журналистов и политиков о совместных действиях искомого результата зачастую не приносят. Причина достаточно очевидна: многие действия базируются на противоречивых моральных, культурных и социальных стандартах. Это приводит к разному целеполаганию различных субъектов и их действий к различному ценностному результату, а в итоге, происходит разбалансировка смысла и значения, что особенным образом структурирует социальное пространство.

Исходя из вышеизложенного, авторы статьи согласны с мнением исследователя А.Ш. Викторова о целесообразности рассмотрения феноменологии безопасности как философии праксиса (дословно с греческого – практика, обычай).

С одной стороны, философия должна изучать реальность во всем ее многообразии (общественное бытие и культура), а с другой – постоянно анализировать конкретные практические воздействия субъектов, рефлексивное поле сознания акторов (индивидуальное сознание человека), которые должны быть направлены на реализацию позитивных (созидающих) возможностей для сохранения действительности и прогрессивное развитие.

Философия праксиса всегда ориентирована на ценностное предпочтение социальной практики (действительности), что предполагает не только определенный уровень осознания существенных противоречий бытия (ученый самоосознает себя элементом этих противоречий, возводя их в осно-

вополагающий (ведущий) принцип познания и действия), но и порождает конкретное понимание онтологических, гносеологических и аксиологических основ бытия.

В связи с этим, полагаем, что, конечно, не случайно Э. Гидденс, определяет онтологическую безопасность через «особые чувства и состояние доверия (уверенности) в постоянстве природного и социального мира, с которым люди себя идентифицируют» [4, с. 499].

Безопасность в такой позиции представляет собой конкретный и вполне определенный результат этой деятельности по нейтрализации, предупреждению угроз и обеспечению защиты, что позволяет сформулировать два подхода в понимании природы безопасности:

1) как проявление объективной природы живых систем сохранять свою целостность на основе саморегуляции с внешней средой благодаря устойчивому или неустойчивому взаимодействию и состоянию;

2) как субъективная естественная защитная реакция или деятельность по созданию определенной среды для самосохранения.

Безопасность – это качественное системное свойство органической жизни, которое не только обеспечивает выживание различных организмов, но и способствует их развитию (должно этому способствовать).

Феноменология безопасности ориентирована, с одной стороны, на выяснение конкретных источников различного рода опасностей, угроз, а с другой – обязательно связана с раскрытием значимых структурных элементов системы, которые обеспечивают ее самосохранение (адаптацию), прогрессивное развитие в изменяющихся условиях.

Артикуляция современными политиками, понимание учеными безопасности (только как состояния защищенности) в настоящее время получило наибольшее распространение и принято многими исследователями в качестве концептуального основания и проводимых теоретических изысканий, хотя они зачастую расходятся в определении объекта защиты, характера угроз, интересов, ценностей безопасности, что в полной мере не может удовлетворить авторов статьи.

Дело в том, что признание закрепленной законом дефиниции объясняется не только законодательным статусом определения, но и целым комплексом конкретно–исторических причин, закономерностей, следствий развития противоречивого социального пространства и многомерной реальности.

Так, отождествление безопасности с защищенностью исторически восходит к дефиниции «государственная безопасность», которая определялась как состояние защищенности Советского государства от внутренних и внешних угроз. Произошедшие в конце 1980–х – начале 1990–х годов социально–политические изменения вызвали определенную трансформацию представлений, вследствие чего закон РФ «О безопасности» законодательно закрепил ту же самую дефиницию государственной безопасности, хотя и в более широком контексте защищенности важных интересов личности, общества и государства.

В результате сложившееся традиционное понимание безопасности как состояния защищенности хотя и изменило форму, но осталось доминирующим не только в современных исследованиях, но и в практике обеспечения безопасности. Вместе с тем, проявившаяся в последнее десятилетие ограниченность традиционного понимания безопасности побудила многих исследователей не только искать новые подходы, но и критически переосмысливать сложившиеся представления, даже если они и получили законодательное закрепление. По мнению многих из них, закрепленное законом понимание безопасности не отражает сущности феномена по целому ряду причин, что достаточно полно представлено, например, в работе профессора Н.Н. Рыбалкина [5, с. 8].

Во–первых, отождествление защищенности с безопасностью является, по мнению некоторых авторов, результатом методологического подхода, при котором социальные и политические процессы рассматривались не теоретически, а политически (прежде всего, в рамках противостояния двух социальных систем). Такое специфическое «государственно–охранительное» понимание безопасности исходило из вполне определенной геополитической модели, предполагающей глобальное взаимодействие суверенных государств, когда они преследуют исключительно свои собственные интересы (реализация приоритетных целей национальной политики). Сохранение политического исследования феномена и предопределило то, что основу законодательного определения безопасности, несмотря на некоторую модификацию дефиниции «государственная безопасность», составляет устаревший подход, уже проявивший свою некоторую несостоятельность.

Во–вторых, исследователи обращают внимание на то, что отождествление безопасности с защищенностью может, как это наглядно демонстрирует опыт СССР, привести к опасным и нежелательным последствиям. Из преобладающего «охранительного» уклона объективно следует анти-

демократичность внутренней политики, которая несет в себе угрозу перерастания в тоталитаризм, поскольку органы государственной власти могут без особых сложностей переместить акценты в «охранительности» с национальных интересов на собственные корпоративные потребности. Безопасность в таком случае начинает отождествляться с незыблемостью существующих политических структур и стабильностью господствующего режима. Более того, последовательная реализация идеи защищенности приводит государства к самоизоляции и, как следствие, к «выпадению» из системы международных отношений, поэтому возводимый «железный занавес» объективно вызывает развитие общества, становясь в свою очередь опасностью для социального пространства.

В–третьих, как показывает опыт, безопасность не может быть сведена исключительно к защищенности, с чем авторы статьи согласны. Например, до последнего времени основу обеспечения глобальной безопасности составляло поддержание состояния незащищенности ведущих ядерных держав от ракетно–ядерного нападения. В этой связи СССР и США, заключив в свое время договор о противоракетной обороне, фактически пришли к соглашению, что повышение уровня противоракетной защищенности не укрепляет, а, наоборот, снижает их безопасность, поскольку у противоположной стороны возникает возможность нанесения безнаказанного ядерного удара.

В–четвертых, некоторые исследователи обратили внимание на то, что понимание безопасности, как жизненно важных интересов, как потребностей граждан, удовлетворение которых надежно обеспечивает существование, прогрессивное развитие личности, общества и государства лишь усиливает неопределенность дефиниции. Интерес, как совокупность потребностей или как субъективное проявление потребностей, выражается в зависимости человека, от того, что влияет на условия его существования. Отсутствие условий (неудовлетворенный интерес) заставляет человека проявлять активность для снятия напряжения и поиска приемлемых условий существования и самореализации. Удовлетворение интересов – это процесс возвращения человека в состояние равновесия. Лишь только осознание того, что эти интересы удовлетворяют нормальную жизнедеятельность, приводит к тому, чтобы эти интересы защищать. Сначала интересы необходимо удовлетворить, а уже потом их защищать. Кроме того, угроза представляет собой лишь форму выражения агрессивного намерения, поэтому защититься от угрозы невозможно, но желательно.

В результате, недостаточная определенность содержания «жизненно важных интересов», «внутренних и внешних угроз» создает возможность смещения акцентов безопасности на защиту корпоративных интересов, под прикрытием интересов личности, общества и государства.

В–пятых, ограничение дефиниции безопасности сферой «жизненно–важных интересов личности, общества и государства» демонстрирует особенность, а не всеобщность определения, вследствие чего закрепленная в законе дефиниция не может рассматриваться как понятие безопасности, раскрывающее сущность этого феномена.

Видимо, осознание исследователями теоретической недостаточности отождествления сущности безопасности с защищенностью привело к появлению большого количества альтернативных, в том числе и научных, определений. Если абстрагироваться от особенного рассмотрения различными авторами феномена безопасности (национальная, государственная, общественная, экологическая, информационная, продовольственная), то существующие представления условно можно свести к следующим основным группам дефиниций.

Во–первых, безопасность понимается как отсутствие опасности. Основу данного понимания составляет этимологическое рассмотрение термина «безопасность». Отождествление безопасности с отсутствием опасности объективно вызывает критические возражения исследователей, по мнению которых практически невозможно найти ситуацию, когда в отношении какого–либо субъекта отсутствует всякая опасность и тем более угроза.

Феномен безопасности не может существовать без опасности. Более того, он обретает свое существование лишь с появлением угроз. В таком случае, наличие опасности не исключает, а, наоборот, предполагает безопасность, которая представляет собой реакцию на опасность. Не соотносимость безопасности с конкретной опасностью или ее соотносимость с мнимой опасностью чревата серьезными деформациями и превращением безопасности в самодовлеющую систему, нацеленную на обеспечение самой себя и нередко в ущерб тому, для чего она первоначально была предназначена. Кроме того, сведение безопасности к отсутствию опасности фактически приводит к отрицанию развития, которое с точки зрения функционирования (воспроизводства) системы может рассматриваться как опасность.

Во–вторых, безопасность рассматривается как свойство (атрибут) системы, социального пространства. Существование любой системы предполагает ее защищенность от разрушительного воздействия каких–либо сил, поэтому «сопротивляются» своему разрушению все системы – эле-

ментарные частицы, атомы, молекулы, системные образования макромира и Космоса. Аналогично борются за свою сохранность живые организмы, в том числе и человек, что иногда проявляется в социальном пространстве в виде политической сингулярности. Взаимодействуя с внешним миром, человек и общество познает и осознает опасности, которые угрожают его существованию, принимает меры по их предотвращению или снижению (уменьшению).

Некоторые исследователи высказывают сомнение в возможности отождествления безопасности со свойством (атрибутом) системы, поскольку, по их мнению, безопасность имеет вторичный характер, а свойства (способность предотвращать угрозы, состояние защищенности, способность к защите) сами по себе не возникают, так как состояние защищенности еще надо сформировать, например, с помощью комплексной безопасности.

Кроме того, признание атрибутивного характера безопасности (феноменология безопасности) фактически ведет к отрицанию необходимости обеспечения безопасности, поскольку получается, что она объективно присуща системе (человеку и обществу).

В–третьих, безопасность зачастую понимается как специфическая деятельность. Деятельностного понимания безопасности придерживаются многие исследователи, хотя они по–разному определяют характер этой деятельности. Но, поясним, что, несмотря на текстовую сформулированность деятельностных определений безопасности, они латентно уже содержат в себе понимание безопасности как цели, а не как деятельности.

В–четвертых, безопасность рассматривается как определенное состояние, в частности, состояние социума, каких–то его составных частей и т.д. (такая безопасность составляет основу дефиниции безопасности, закрепленной в законе РФ «О безопасности»). Вместе с тем, отождествление безопасности с состоянием объективно вызывает критику, поскольку такое понимание фактически ведет к отрицанию динамичного и самостоятельного характера развития системы.

Важно отметить существование большого количества менее распространенных, но более оригинальных дефиниций безопасности:

- безопасность также определяется, как определенное отношение, субъектами которого выступают источник угрозы и объект уязвимости;
- безопасность также определяется, как совокупность факторов, обеспечивающих жизнеспособность государства, благоприятные условия для развития и т.п.;
- безопасность также определяется, как способность государства противостоять применению и угрозе применения силы, его готовность отразить вооруженное нападение извне и подавить вооруженное выступление изнутри.

Можно резюмировать, что современные представления о безопасности демонстрируют крайнюю многомерность и мозаичность, но различия феномена не всегда тождественны сущности самой сферы безопасности.

Анализ современных представлений о безопасности наглядно иллюстрирует и подтверждает тот факт, что проблема постижения сущности безопасности и, соответственно, ее понятийного определения остается пока не до конца разрешенной. Но продвигаться в этом направлении необходимо, так как современное мироздание уникально, многомерно и противоречиво.

«Наш современник вовлекается в такие разрушительные энергетические потоки, которые во много раз превышают индивидуальные возможности противостоять им. Если он не сумеет обнаружить в себе энергетические резервы, позволяющие на глобальном уровне взаимодействовать с миром, его судьба окажется печальной» [6, с. 9–10].

Феноменология безопасности сегодня позволяет исследовать сложноорганизованные процессы, уточняет специфику общественных отношений, раскрывает целостность социального пространства. Это порождается определенным взаимодействием элементов, которые не только «целесообразно» организованы (т.е. ориентированы не на выяснение отношений друг с другом, а на преодоление конкретной ситуации, смягчение противоречий, порождаемых конкурентной средой), но и располагают определенной ценностной системой, где во главу угла поставлена общая идея, цель. Это, собственно говоря, и есть принцип аксиологичности, который можно рассматривать в контексте формирования идеи безопасного развития современного общества.

С другой стороны, среда определяет степень их взаимоотношений (взаимосвязей, взаимовлияния) – позитивных или негативных, а также направленность характера того или иного взаимодействия (объектного или субъектного). В процессе размышлений авторы пришли к выводу о том, что сфера безопасности действительно существует, она органично вплетена и взаимодействует с другими сферами общества: экономической, политической социальной и духовной.

Однако такое осмысление безопасности не равнозначно изучению феномена национальной безопасности. Рассмотрение отдельных форм безопасности, их описание и систематизация является лишь первой ступенью осмысления безопасности. Следующим этапом понимания сущности такого явления, как безопасность явилось определение глубинной основы, которая позволяет объединить разные формы проявления исследуемого явления или процесса в единую целостность. Система государственного влияния на общественные отношения в целом и безопасность в частности сложилась давно. Фактически в обществе в течение нескольких столетий безопасность в основном осуществлялась методами государственного управления, что чаще всего на практике выражалось в тотальном характере государственной власти и в административно–командной системе управления. При этом именно государственная власть доминировала в сфере безопасности. Такая система государственного воздействия на общество в наибольшей мере присуща тоталитарному и авторитарному политическим режимам. Методы же регулирования общественных отношений также применялись органами власти, но значительно реже и только на определенных этапах развития социума. Однако чаще всего использование методов регулирования общественных отношений (выражавшееся в определенной степени либерализации) приводило к ослаблению государственной власти и неизбежным издержкам и потерям в сфере безопасности.

Одним из путей повышения эффективности государственного влияния на сферу безопасности является принципиальное изменение характера и содержания вмешательства государства в сферу безопасности. Это вмешательство бывает различным. Так, в демократическом социуме коренным образом пересматривается совокупность субъектов государственного воздействия. Это означает, что государство должно вмешиваться в общественную жизнь и безопасность, но не тотально, а точно, избирательно, и не пытаться, как это уже неоднократно бывало ранее, жестко управлять общественными процессами. При этом государственное управление и государственное регулирование в принципе не противоречат и не отрицают, а скорее дополняют друг друга в условиях демократии и рынка (что в целом характерно для сферы безопасности). Тем самым можно достичь оптимальной модели взаимодействия государства, общества и граждан в сфере безопасности.

Уточним, что деятельность государства в сфере безопасности становится все более специализированной и профессиональной, но при этом государство должно гарантировать остальным участникам социальных отношений эффективную защиту, максимально свободную реализацию их разнообразных интересов.

Заключение. Феноменология безопасности проявляется в том, что она носит в большей степени общественно–государственный характер и зачастую распространяется на все общество. Кроме того, безопасность во многих своих проявлениях носит политический характер, зависит от сформировавшейся системы агрегирования и артикуляции национальных интересов. Специфика безопасности в немалой степени субъективна, поскольку она максимально зависит от действий тех ли других акторов. В таком качестве безопасность связана на практике с основными сферами общественной жизни многочисленными запросами и потребностями различных субъектов, акторов, а также ответными действиями по оптимизации защиты, как этих интересов, так и процессов их реализации. Безопасность в максимальной степени постоянно проявляется на практике в других сферах общественной жизни. Взаимозависимость всех сфер общественной жизни является объективной для любого социума. Однако конкретные проявления безопасности в различных обществах отличны друг от друга и должны быть изучены современной наукой.

Сегодня необходимо продуцировать и обязательно внедрять в общественное сознание ценности безопасности, развивать эффективность институтов политического лидерства и политической элиты, обеспечить приоритетное развитие информационно–сетевой деятельности органов государственной власти, общественных структур и граждан. В сферу безопасности должны активно вовлекаться институты гражданского общества и экспертного сообщества, а основные усилия при этом следует сосредоточить на развитии институтов регулирования сферы безопасности.

ЛИТЕРАТУРА

1. Словарь философских терминов / Научная редакция профессора В.Г. Кузнецова. – М.: ИНФРА–М, 2010. – 731 с.
2. Тукало, А.Д. Безопасность общества и политика мультикультурализма. Посткультурное общество: стабильность и коммуникация / А.Д. Тукало. – М., 2003. – 327 с.
3. Викторов, А.Ш. Введение в социологию безопасности / А.Ш. Викторов. – М.: Канон+, РООИ «Реабилитация», 2008. – 568 с.

4. Гидденс, Э. Устройство общества / Э. Гидденс. – М., 2003. – 250 с.
5. Рыбалкин, Н.Н. Философия безопасности / Н.Н. Рыбалкин. – М.: Московский психолого–социальный институт, 2006. – 296 с.
6. Букреев, В.И. Человек агрессивный. (Истоки международного терроризма) / В.И. Букреев. – М.: Флинта : МПСИ, 2007. – 336 с.

PHENOMENOLOGY OF SECURITY: PROBLEMS AND PROSPECTS

S.N. SOKOLOVA, A.A. SOKOLOVA

Summary

The following article highlights the phenomenology of security, determined by the system of state regulation and political singularity that characterizes the specificity of interference by supreme state authorities, political parties, and public organizations in the security sphere.

© Соколова С.Н., Соколова А.А.

Поступила в редакцию 10апреля 2012г.